

Не одичать в «осыпающемся мире»

Олег Барабанов, Тимофей Бордачёв,
Ярослав Лисоволик, Фёдор Лукьянов,
Андрей Сушенцов, Иван Тимофеев

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-05-2

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Об авторах

Барабанов Олег Николаевич

Доктор политических наук, профессор РАН, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», научный руководитель Европейского учебного института МГИМО МИД России

Бордачёв Тимофей Вячеславович

Кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Лисоволик Ярослав Дмитриевич

Доктор экономических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», член Бреттон-Вудского комитета

Лукьянов Фёдор Александрович

Руководитель авторского коллектива, директор по научной работе Фонда клуба «Валдай», главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, профессор-исследователь НИУ ВШЭ

Сушенцов Андрей Андреевич

Кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор Института международных исследований и Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России

Тимофеев Иван Николаевич

Кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» и Российского совета по международным делам, доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России

Содержание

- 3 О чём этот доклад
- 5 Генезис «осыпающегося мира»
 - О судьбе государства
 - Об эрозии институтов
 - О кризисе привычных идеологических схем
 - О наступлении эпохи этического плюрализма
 - О бесперспективности спекулятивной экономики
- 9 Растущая анархия и риск новой биполярности
- 14 «Великий уравниватель»
- 18 Страховочная сетка
- 21 Особая ответственность и моральный императив

О чём этот доклад

Два года назад Валдайский клуб выпустил доклад «Жизнь в осыпающемся мире», в котором предположил, что многосторонняя кооперация сворачивается. Кризис международных институтов ведёт к нарастающей анархии – каждое государство будет полагаться на себя при решении задач выживания. События 2020 года настолько ярко подтвердили эту гипотезу, что удивили даже самих её авторов. *COVID-19* – временное явление, как и все пандемии. Однако происходящее стало катализатором процессов, назревавших давно.

Суверенное государство остаётся единственным институтом, способным действовать организовано и достаточно эффективно. Иллюзия, будто государство может исчезнуть из мировой политики, уступив место трансграничным наднациональным субъектам, окончательно рассеялась.

Увеличивается роль государства и в экономике – в споре общественного и рыночного интереса чаша весов смещается в сторону первого. Устойчивость к неэкономическим шокам, которая обеспечивается государством, а не рынком, превращается в важнейший экономический показатель. Ведь в то время, когда экономика стала поистине глобальной, политика остаётся международной.

Теряют смысл привычные идеологические схемы, прежде всего дихотомия «демократия – авторитаризм». Кризис показал, что дееспособность государств определяется в другой системе координат. Она больше связана с культурой и традицией, чем с политическим устройством. Одной из основных категорий наступившего периода будет этический плюрализм – отсутствие «правильного» ценностного набора, которому должны следовать все.

Эра «либерального мирового порядка» (конец 1980-х – середина 2010-х годов) завершена. В его основе лежал военный баланс сил, унаследованный от периода холодной войны, а также набор норм и свобод, обеспечивающий относительно справедливый доступ к благам глобализации для тех, кто эти нормы соглашался соблюдать. Эксперимент не удался, поскольку предусматривал доминирование определённой группы стран, а это воспринималось другими как несправедливость.

«Осыпание» международных институтов сводит будущее к двум базовым вариантам. Либо сохранение наиболее важного из предыдущего развития (ООН) и создание с опорой на него новой функциональной инфраструктуры. Либо

ещё одна биполярность, схватка двух гигантов (США и Китая), но гораздо ожесточённое той, что наблюдалась в годы холодной войны. Американо-китайское противостояние не воспроизведёт стабильную модель «Соединённые Штаты – Советский Союз» второй половины XX века. Предстоит непримиримая конкуренция другого набора игроков в совершенно других международных условиях. Ядерное оружие остаётся главным фактором, защищающим от сползания к глобальной военной катастрофе. Но его сдерживающий потенциал не безграничен, а дальнейшая деградация институтов ударит и по нему.

Эрозия политических структур усугубляется социальными сдвигами. Осознание угроз способно перечеркнуть главные отличительные черты прежней эпохи: в первую очередь достигнутое в нынешнем столетии новое качество массовой мобильности. Глобализированный мир превращается из «общества безграничных возможностей» в «общество неограниченного риска». Постоянный риск требует глобальной солидарности. Но человеческие инстинкты против этого. Принцип «каждый за себя» и запрос на закрытость от влияния извне могут стать императивными.

Тенденции к деглобализации, проявившиеся годы назад, обретают отчётливые формы. Рациональные выкладки говорят о необходимости укреплять глобальное сотрудничество для решения экономических проблем. Но этого ещё недостаточно для того, чтобы его достичь. Пока ведущие экономики в состоянии согласиться только с тем, что надо попробовать минимизировать ущерб другим при принятии мер по собственному спасению.

По какому из возможных сценариев ни развивалась бы мировая экономика после пандемии, избыток ресурсов сменится их дефицитом. И ужесточение борьбы за них неизбежно. При самом неблагоприятном ходе событий нормой станет «международно-политический дарвинизм», самая архаическая версия международных отношений.

Понадобятся новые формы глобальной моральной ответственности, чтобы снижать угрозы, возникающие из-за объективной разницы в соотношении сил претендентов на ресурсы, которых «на всех не хватит». Так что, повторим, выбор прост: сохранение ООН как института, который доказал свою способность поддерживать мир и, несмотря ни на что, представляет собой высшую возможную форму сотрудничества в международных отношениях, или откат в жестокую борьбу, которая руководствуется не разумом, а инстинктами. Постоянные члены Совета Безопасности, обладающие с момента создания ООН специальными привилегиями, несут особую ответственность перед всем миром за то, чтобы второй сценарий не стал реальностью.

Генезис «осыпающегося мира»

С весны 2020 года мир пребывает в шоковом состоянии. Пожалуй, никто не предвидел события, которое смогло в одночасье отправить в изоляцию миллиарды человек, застопорить мировую экономику, вывести из игры большинство международных организаций. В ходе кризиса, вызванного *COVID-19*, не было предпринято сколь-либо эффективных попыток международной координации усилий. Бросается в глаза непропорциональность причин и следствий. Достаточно рядовой вирус с относительно невысокой летальностью оказал серьёзнейшее влияние практически на все сферы взаимосвязанного мира.

COVID-19 – временное явление, как и все пандемии. Однако происходящее станет катализатором масштабных перемен, со злосчастным вирусом уже не связанных. В мире накопилось огромное количество проблем, и вопрос был только в том, что станет спусковым крючком.

С 2014 года Международный дискуссионный клуб «Валдай» рассматривал в ежегодных докладах состояние мирового экономического и политического устройства. Наш барометр показывал растущую вероятность бури. Пространство возможного сжималось: от призыва к установлению правил игры до констатации того, что согласованных норм не будет, а поддержание стабильности впредь зависит от способности самих игроков к рациональному самоограничению.

Наибольший резонанс вызвал доклад 2018 года «Жизнь в осыпающемся мире»¹, в том числе и благодаря использованной метафоре. «Конструкция мирового здания стоит, но на глазах осыпается, превращаясь в деформирующийся каркас, остов некогда прочного строения. Оно было возведено после 1945 года, то есть по завершении второй фазы разрушения, начавшегося в августе 1914-го. Великие державы учли печальный опыт неудачной попытки устройства мира между двумя мировыми войнами. Они сумели договориться о системе, которая препятствовала выходу противоречий из-под контроля. И именно эта модель переживает ныне глубокий кризис».

Нас тогда упрекали в избыточном алармизме: несмотря на очевидные проблемы в мировой политике, неправомерно говорить о демонтаже институтов, они трансформируются. Особенно решительную критику вызывала следующая мысль: «Развилка формирования эффективно функционирующего международного порядка на основе глобального управления пройдена.

¹ *Жизнь в осыпающемся мире. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Октябрь 2018.*
URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/zhizn-v-osypayushchemsya-mire/>

Мир двинулся в ином направлении. Он соскользнул в эпоху односторонних решений – эта тенденция объективна, ею нельзя управлять, но необходимо понимать её последствия».

Пандемия превратилась в событие такого масштаба, потому что идеально попала в тенденции, начавшиеся задолго до момента, когда первый больной новым вирусом был зарегистрирован в Китае. По естественным причинам нет иного средства борьбы с заразой, кроме дистанцирования и изоляции. Впечатляет, насколько все оказались психологически к этому готовы, немедленно включившись в процесс всеобщего огораживания. Идеино-риторическая мишура, которой последние тридцать лет были украшены международные отношения, разом слетела. Это положило конец некоторым из казавшихся неразрешимыми споров и дало ответы на ряд важных вопросов.

О судьбе государства

Суверенное государство остаётся единственным институтом, способным действовать организованно и достаточно эффективно. В серии Валдайских докладов мы многократно указывали на возвращение государства в мировую политику, точнее на то, как рассеивается иллюзия, будто государство может из неё исчезнуть.

Ни транснациональные корпорации, ни международные организации, ни какие-либо иные акторы не способны одновременно решать всеобъемлющую проблему и управлять множеством последствий – от остановки экономики до элементарного порядка на улицах. И граждане в момент серьёзного кризиса обращаются к своему государству, ожидая от него выполнения обязанностей по обеспечению безопасности и благосостояния. Больше им обращаться некуда. В результате экономика становится поистине глобальной, а политика остаётся международной.

Об эрозии институтов

Целый ряд международных институтов оказался попросту невостребованным в решении проблемы. Задачи, на выполнение которых они были нацелены, не соответствуют реальным вызовам. Если взаимодействие и имело место, то на двустороннем межгосударственном уровне. Взаимопомощь почти не проявлялась даже внутри однородного набора стран. НАТО себя не проявила никак, хотя опыт Китая продемонстрировал, какую полезную

роль могут сыграть военные. В шоковых условиях под вопросом оказалась солидарность в Европейском союзе. В тень ушли и «общие ценности», столь широко обсуждаемые на различного рода форумах, – когда вспыхнул по-настоящему серьёзный кризис, международные гуманитарные вопросы на время почти исчезли с повестки дня.

О кризисе привычных идеологических схем

Дихотомия «автократия – демократия», о которой снова заговорили в связи пандемией *COVID-19* (личная ответственность и солидарность в демократической системе против подавления и непрозрачности в авторитарной или наоборот – эффективность централизма против расхлябанности «открытого общества»), в очередной раз показала себя ложной.

Опыт противодействия болезни в разных странах наглядно продемонстрировал, что эффективность реакции власти и общества на вызов зависит не от устройства политической системы, а скорее от целого ряда исходных данных, и не последнюю роль здесь играют культура и традиции, имеющие свою специфику в каждом отдельном государстве.

У всех свой внутренний баланс. Унификация по политическому признаку не работает, нет единых моделей реагирования на вызовы либо только для автократий, либо только для демократий.

О наступлении эпохи этического плюрализма

Плюрализм – производная от кардинально изменившегося мира, в котором воцаряется многообразие политических и стратегических культур², но полностью исключается попытка их унификации, сведения к общему знаменателю. Политические решения перестают базироваться на одной «единственно верной» этической платформе.

Распространившийся в последние пару десятилетий образ «правильной стороны истории» исходил из представления о безусловной морально-этической правоте модели организации общества, основанной

² См.: *Возвышение Римланда: новая политическая география и стратегическая культура. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Июнь 2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/rimland-novaya-geografiya/>*

на сочетании либеральной демократии и рыночной экономики, к которой рано или поздно придут все остальные. Не вдаваясь в предметную дискуссию о сильных и слабых сторонах этой модели, можно констатировать, что она не доказала свою универсальность. Череда кризисных ситуаций, кульминацией которой стала пандемия *COVID-19*, продемонстрировала, что, выходя из них, страны опираются на собственный социально-культурный опыт. Попытки же применять неорганичные рецепты ведут к усугублению проблем. А значит, и критерии, на основании которых разные страны оценивают международные процессы и ситуации, не могут быть едиными для всех: каждое государство формирует политику на основе собственных этических представлений, и ошибочно рассматривать их в шкале «правильные – неправильные», они просто другие.

О бесперспективности спекулятивной экономики

Эпидемия выявила контраст между экономикой публичной и реальной. В штатных условиях эффективность экономики привыкли оценивать через показатели экономического роста, а также большое число индексов и рейтингов – благо, их научились составлять на любой случай. *COVID-19* напомнил о том, что рост не равнозначен развитию. Впечатляющие показатели на красиво сделанных презентациях для инвесторов не тождественны надёжной медицине и действенному управлению.

Снова возникает спор между рыночным и общественным интересом. Какой должна быть система здравоохранения? С точки зрения рынка, массовая охрана здоровья представляется излишней и требует оптимизации. В условиях кризиса, считавшегося маловероятным, даже избыточных возможностей оказывается остро недостаточно. Те же вопросы неизбежно встают и в отношении других институтов – образования, науки, социального страхования, армии. В итоге критерии полезности определяются как наличными ресурсами, так и конкретными представлениями о том, что нужно и целесообразно здесь и сейчас. Устойчивость к любым шокам превращается в важнейший экономический показатель.

Ключевым следствием становится увеличение роли государства в экономике. Экономические воззрения, которые доминировали в эпоху либерального мирового порядка, предполагали минимум вмешательства со стороны государства. Теперь децентрализованные и частные системы здравоохранения не справляются с масштабом бедствия. Происходит ползучая, а в некоторых случаях – как в Испании – открытая национализация системы здравоохранения. Значительные субсидии, которые государство

предоставляет крупным компаниям, подразумевают большую подотчётность этих компаний правительству за расходование средств. На этапе преодоления экономического кризиса эта практика распространится на корпорации самых разных сфер.

Всё вышесказанное не означает, что фундаментальные вопросы устройства государства, общества, экономики закрыты навсегда и решены в пользу дирижизма. Дискуссии на эту тему продолжатся, и в разные исторические периоды будут брать верх разные аргументы.

Но одно можно констатировать с достаточной определённой: эпоха «либерального мирового порядка» (конец 1980-х – середина 2010-х годов), с которым связана постановка многих перечисленных вопросов, завершена. Ответы, которые давались в тот период, более не будут считаться актуальными.

Растущая анархия и риск новой биполярности

После холодной войны в мировой политике установились правила и обычаи, которые обеспечивали относительную «гармонию интересов» – справедливость доступа разных игроков к благам глобализации. Из этого (а также из сохранения на глобальном уровне баланса военных возможностей, унаследованных от холодной войны) вытекал набор правил для поощрения международного сотрудничества и ограничения присущего любому государству эгоизма. Это состояние мировой среды рассматривалось в качестве апогея международно-политического развития за несколько столетий. Закрывание границ в таком масштабе, столь массовое прекращение контактов, качественное сворачивание взаимодействия в связи с пандемией – есть не что иное, как атака на одну из несущих конструкций международной политики, созидавшейся на протяжении нескольких столетий. Это, конечно, не означает, что именно распространение коронавируса привело к такому сокрушительному результату – напряжённость росла давно. *COVID-19* стал толчком, который обрушил лавину.

Возможно, политики и мыслящие люди возлагают сейчас надежду на то, что пандемия и мировой экономический кризис – это и есть «мягкая» версия Третьей мировой войны, которая «всё спишет», позволит начать с новой страницы, оставив позади накопившиеся перекосы. Скорее всего,

это не так. В «осыпающемся мире» государствам предстоит периодически переживать такого рода потрясения. Более того, они могут стать драматической обыденностью.

То, что сейчас ответы имеют национальный характер, вполне естественно – хотя бы государства должны нести ответственность перед собственными гражданами. Совместно это делать невозможно – даже в таких почти оптимальных формах межгосударственной интеграции, как Европейский союз. Кстати, в первую очередь затрещало по швам как раз это «международное сообщество» стран, которые в допандемические времена сумели выстроить между собой наиболее совершенные формы отношений. Но эти отношения имели вполне определённую цель. Сотрудничество, взаимная выработка не работают там, где отпадает необходимость удержания силового преимущества наиболее влиятельными участниками сообщества. И проблема не в том, что государства ведут себя естественным образом (как теперь), а в том, что ожидания от их сотрудничества были искажённо завышенными. Государство по определению представляет собой высшую и наиболее ответственную форму социальной организации, иных вариантов не существует. Об этом всегда вспоминают в кризисный момент, хотя и в более спокойные периоды государство остаётся безальтернативным фундаментом мирового устройства.

Тем не менее после неудачи эксперимента «либерального мирового порядка» человечество структурно может быть отброшено далеко назад в своей способности к организации политических отношений между сообществами (государствами). Выбор после «осыпания» достаточно очевидный. Есть простое решение в виде новой «биполярности», а есть сложное – сохранение наиболее важного из предыдущего развития (ООН) и создание с опорой на него новой функциональной инфраструктуры. В первом случае мы скоро придём к исчезновению даже остатков институтов прежнего мира, а схватка двух гигантов может стать гораздо ожесточённое той, что наблюдалась в годы холодной войны. Во втором случае есть шанс сохранить способы цивилизованной коммуникации.

Стоит, наверное, принять вероятность обоих сценариев и искать решения в области совершенствования дипломатии. При этом не нужно забывать, что эффективность международных организаций и то, насколько они могут обеспечивать сравнительную справедливость в отношении интересов участников, – это всегда результат жёстких переговоров и производная от соотношения сил участников. Нападки США на ВОЗ в апреле 2020 года – не акт бессмысленного разрушения, а попытка

остановить невыгодные для Соединённых Штатов сдвиги, возникающие в силу увеличения могущества Китая.

Наиболее приемлемый вариант переустройства – укрепление СБ ООН в качестве «мирового правительства» по важнейшим для выживания государств вопросам мира и войны. Совет Безопасности – орган международного сообщества, наиболее репрезентативный в плане совокупной мощи входящих в него стран. Источники его легитимности – военное могущество участников и международное право.

Этому противостоит грозный противник – продолжающееся перераспределение сил в мире и ускоренное движение к новой биполярности, основанной на противостоянии США и Китая. Такой вариант развития событий угрожает как либеральным, так и альтернативным (например, БРИКС) институтам, поскольку подразумевает выбор между двумя противостоящими вариантами. Он же является сейчас наиболее вероятным. Биполярность, особенно в её вероятной американо-китайской инкарнации, будет куда менее «деликатной» по отношению к другим государствам, особенно к средним и малым, чем даже период попытки построения однополярного мира.

В Валдайских докладах мы не раз затрагивали перспективы новой биполярности, считая её достаточно вероятным сценарием. Правда, затем (в 2018–2019 годах) мы стали склоняться к мысли, что не стоит ожидать и такой формы упорядоченности – скорее предстоит «мир без полюсов... сценарий острого кризиса, который ведёт не столько к новому балансу сил, сколько вообще к полной перезагрузке институтов, власти, способов производства и международных отношений». Сейчас может возникнуть ситуация, когда одно не исключает другое.

Возможные совместные ответы не решают фундаментальных проблем. Для России или Индии «осыпание» привычного мирового устройства – вызов не меньший, чем для США или Европы. И Москва, и Дели хотели усовершенствовать порядок и устранить несправедливость в отношении своих интересов. Но они не планировали разрушать или революционно менять его. А вот для Китая неудача с либеральным мировым устройством проблемой НЕ является, хотя ему удавалось едва ли не лучше всех извлекать из него

выгоды. И сейчас Пекин – держава, которая в максимально возможной степени обладает ресурсами для перестройки мира «под себя».

Амбиции и уверенность в себе КНР возросли на фоне успехов по борьбе с эпидемией в стране. Увеличивается и естественное стремление многих последовать за Китаем как за страной, которая явила способность купировать угрозы в отношении своих граждан и оказывать помощь остальным. Соединённые Штаты не демонстрируют признаков того, что они в состоянии преодолеть установку на линейную конкуренцию в качестве двигателя развития. США предстоит переосмыслить своё место в мире в направлении снижения амбиций, Китай переживает обратный процесс. В этом встречном движении – основная угроза международной безопасности.

Катализаторами конфликта могут стать противостояние в разных сферах и попытки постепенного исключения КНР из значимых производственных цепочек. Сегодня Китай занимает доминирующее (в некоторых отраслях монопольное) положение в производственных цепочках ведущих западных корпораций. В условиях торговой войны между США и Китаем американские компании уже начали искать альтернативы. Опыт пандемии кратно увеличивает конфликтность: разгорающаяся информационная война, в ходе которой звучат взаимные обвинения в искусственном происхождении коронавируса, обещает в высшей степени отравленную международную атмосферу на ближайшую перспективу.

Биполярность кажется знакомым, а кто-то может даже решить, что и не самым худшим, сценарием. Пережил же мир достаточно безболезненно холодную войну. Но это опасная иллюзия. Американо-китайское противостояние – это не воспроизведение стабильной модели «Соединённые Штаты – Советский Союз» второй половины XX века, а непримиримая конфронтация другого набора игроков в совершенно других международных условиях. Современный мир слишком сложен для того, чтобы просто вернуться к состоянию 1945–1990 годов, в котором зарождалась современная инфраструктура международной политики. Тогда каждая из двух конфликтующих сверхдержав находилась в центре собственной политико-экономической «орбиты», которые существовали по своим законам и соприкасались только в борьбе за территориальную экспансию (на периферии). Самое фундаментальное противостояние касалось не военно-политической и даже не экономической сферы, а устройства общества, приоритетов развития и образа жизни, то есть этических категорий. Они и выполняли организующую функцию.

Сейчас основные противники разительно отличаются в культурном плане, но тесно взаимосвязаны и находятся внутри общей для всех рыночной экономики и единого мирового хозяйства. Потенциалы у них всё более равные. Таким образом, мы возвращаемся вовсе не в «благословенные» и довольно упорядоченные годы холодной войны, а в канун Первой мировой с её империалистической конкуренцией. Тем более что запрос тех, кто претендует на лидерство, имеет под собой непрочный этический фундамент. Ни Китай, ни США сегодня не могут сравниться по степени морального могущества (привлекательности) с СССР и Западом времён холодной войны, они не предлагают очевидные альтернативы.

Ядерное оружие остаётся главным фактором, защищающим мир от сползания к глобальной военной катастрофе. Его сдерживающий потенциал велик, хотя и не безграничен. Пока вероятность войны (применения военной силы для разрешения блока противоречий) всё ещё кажется наименьшей, чем когда-либо в истории человечества. Но по мере привыкания к жизни в «осыпающемся мире» деградация институтов взаимодействия может ударить и по этому фактору стабильности. Поэтому с политической точки зрения важно, чтобы погружение в первобытную анархию не вошло в привычку.

Анархия как наступивший (вернувшийся) тип модели международных отношений была описана нами в Валдайском докладе 2019 года «Время взрослеть, или Оправдание анархии. Ежегодный доклад Клуба “Валдай”». Мы подчёркивали, что анархичность международных отношений является их вполне естественным свойством. И хотя такое состояние мировой среды усугубляет риски, они могут компенсироваться повышенным чувством ответственности игроков, пониманием, что любые их действия чреватны немедленным противодействием, соответственно, их надо соизмерять с собственными возможностями и вероятными ответами. К сожалению, проявления, которые мы наблюдаем в последнее время на международной арене, заставляют опасаться наиболее разрушительных форм анархии, когда акторы начинают в нарастающей степени руководствоваться инстинктами.

«Великий уравнитель»

Пандемия заставляет пересматривать понятия, казавшиеся чуть ли не аксиомами в предыдущие десятилетия. Деление стран на «свободные» и «несвободные», имевшее определяющее значение в идеологической модели мира XX и начала XXI века, подвергается глубокой эрозии. Оказалось, что многие инструменты контроля над обществом, за которые прежде жёстко критиковали «автократов», не просто применимы, но и востребованы в демократических системах.

Вообще, ренессанс государства влечёт за собой разнообразные последствия. Задачи карантина, помноженные на современные технологии, открывают широкие возможности для развития инструментов контроля власти над обществом. То, что раньше считалось противоречащим праву и морали, в сегодняшних условиях оправдывается чрезвычайной ситуацией (а продолжительность и интенсивность ЧС в условиях пандемической угрозы может устанавливаться почти произвольно). Отслеживание контактов с возможными носителями вируса через систему геолокации, применение искусственного интеллекта для контроля нарушений режима, мониторинг перемещений с помощью системы распознавания лиц и многое другое рассматриваются в качестве необходимых мер.

Методы государственного контроля постепенно начнут проникать в капиталистическую экономику (мониторинг наёмных сотрудников). По-новому зазвучат идеи Мишеля Фуко о власти как способе контролировать человеческое тело во времени и пространстве. Мы можем увидеть новые проявления диктатуры и порабощения человека, современные формы социальной тюрьмы и паноптикума Иеремии Бентама. Вполне вероятно появление ещё одного разделяющего фактора – биотехнологического. Внедрение практики экспресс-тестов в аэропортах, новых средств защиты сотрудников, дезинфекции, технологий мониторинга состояния здоровья могут стать привычным ограничительным правилом сродни рамкам металлодетекторов, распространившимся для борьбы с терроризмом в начале 2000-х годов. Но размежевание – как в обществах, так и между государствами, – окажется в данном случае ещё более глубоким.

На противоположной стороне – новые формы протеста, социальной мобилизации и проявлений агрессивного нонконформизма, вероятность и острота которых особенно возрастёт в наступающий период тяжёлого

экономического спада. Импульсом способен послужить рост безработицы и недовольство граждан неэффективностью мер по борьбе с кризисом, а также недостаточность мер социальной поддержки со стороны правительств.

Борьба «диктатуры» и «свободы» вряд ли будет зависеть от формы политического режима. Соблазн контроля и запрос на сопротивление проявятся повсеместно.

Наконец, важнейшей отличительной чертой нового общества станет иное отношение к мобильности. Масштабная трансграничная мобильность эпохи глобализации рискует уйти в прошлое не просто как поведенческая практика, но и как моральная установка. Безопаснее не поддерживать широких связей, оставаться дома (как в узком, так и в широком смысле). Страх перед открытостью, если они укоренятся в глобальном обществе, кардинально изменят мир. Туризм, ставший в XX веке символом единства земного шара и самым общедоступным из достижений глобализации, с началом пандемии полностью иссяк, восстановление будет медленным и долгим, и едва ли следует ожидать возвращения к докоронавирусному уровню.

Последние полвека человеческое сообщество развивалось невиданными темпами. Глобализация, понимаемая не только как единая система мировой торговли, но как новое качество мобильности людей, невзирая на государственные границы, стала реальностью. Процесс всеобщей взаимосвязанности не только на государственном, но и на социальном уровне привёл к тому, что постепенно начало складываться по-настоящему глобальное общество, объединённое трансграничными связями, интересами и ценностями. На политическом уровне трансформация привела к закреплению концепции глобального управления, появлению первых признаков трансформации мирового взаимодействия в единую глобальную политику. Во всяком случае, так воспринимались протекавшие с конца XX века процессы. Одновременно глобализация являлась одной из функций международной политики государств, делающей одних сильнее, а других слабее.

Несмотря на опасения насчёт того, к чему приведёт эрозия суверенитета, материальная основа глобализации никем в мейнстримной политике не ставилась под сомнение. Чаще всего эти вопросы оставляли футурологам. Уже с рубежа 1960–1970-х годов под воздействием докладов Римского клуба развернулась дискуссия о ресурсных ограничителях человеческого развития: миру не хватит топлива, пахотных площадей, питьевой воды и прочая. Сознательный катастрофизм некоторых из этих положений подводил

к выводу, что человечество должно отказаться от веры в прогресс как главного стимула для развития, высказывалась мысль, что следующие поколения будут жить не лучше, а хуже нас и потому будущее неоптимистично. Но развёрнутая под эгидой ООН кампания по реакции на эти предупреждения по-прежнему делала акцент на неизбежность прогресса. В рамках ООН возник термин «устойчивое развитие». Он хотя и подчёркивал, что человечество должно заботиться об экологии, но не ставил под сомнение сам глобальный курс на постоянный экономический рост.

Однако в последние годы сначала в рамках академической социологии, а затем и в более широком информационно-культурном пространстве стала получать распространение теория, которая делала акцент на глобальном обществе риска. Корни её уходят в разработки ряда европейских социологов, крупнейшими из которых являются Ульрих Бек и Энтони Гидденс. Эту теорию можно свести к следующей мысли: постоянное усложнение социальных и технологических связей между людьми во всемирном масштабе практически неизбежно повышает уровень рисков, которые могут накапливаться и путём кумулятивного эффекта поставить под удар всю стабильность глобальной системы.

Эти риски и вызываемые ими катастрофы могут быть разными. С одной стороны, техногенный риск. Неслучайно теория глобального общества риска обрела особую популярность после фукусимской аварии. С другой стороны, природные риски, связанные с дисбалансом воздействия человека на природу. Понятно, что при такой постановке вопроса нет чёткой грани между рациональной оценкой и иррационально-мистическими компонентами («природа мстит человеку»). В этом контексте начала формироваться своего рода экологическая эсхатология и связанная с ней эстетика катастрофизма. Появление на мировой арене фигуры Греты Тунберг, олицетворения подхода, в основе которого – хорошо просчитанное эмоциональное воздействие, показывает запрос на иррационализм подобного рода.

До последних месяцев основные глобальные риски обсуждались в первую очередь в контексте изменения климата и реакции на него международного сообщества (от Киотского протокола до Парижского соглашения). Эта проблематика касалась в основном средне- либо долгосрочного планирования. Но пандемия коронавируса поставила вопрос о природных угрозах глобализации и глобальному обществу прямо сейчас. По сути, проблемы изменения климата, эпидемии и пандемии, иные природные и техногенные цепочки катастроф выводят на первый план концепцию глобального общества риска как реальную альтернативу существующей концепции глобализации. Поэтому важно оценить возможное воздействие новых рисков

на глобальную политическую систему и трансформацию мирового устройства. В итоге задача стратегического планирования должна трансформироваться в управление глобальными рисками. Но проблема в том, что феномен всеобщего «социального дистанцирования» международных акторов, так ярко проявившийся в условиях пандемии, ставит под сомнение способность человечества совместно противодействовать глобальным вызовам.

Если признать, что глобальное общество риска вырисовывается в качестве неизбежного будущего, то мы стоим на пороге серьезнейшей трансформации социальных связей, поведенческих установок и морали. Взгляд через призму постоянного риска меняет картину мира, выдвигая на первый план другие этические категории. Ключевой вопрос звучит теперь так: сохранится ли понятие прогресса в глобальном обществе риска? Ведь если цепочки катастроф являются не исключением, а нормой жизни, все должны понимать, что за коронавирусом обязательно последует что-то ещё. «Устойчивое развитие», установка на постоянное повышение качества жизни и расширение «зоны комфорта» превращаются в недоступную роскошь. А усилия человечества теперь будут направлены не на развитие, а на постоянную минимизацию ущерба.

Меняющаяся таким образом реальность повлияет на переосмысление этики отношений между «золотым миллиардом» и всеми остальными. Вирус стал «великим уравнивателем», ударяя по богатым и бедным. А кратное превосходство развитого мира над развивающимся – в том, что касается возможностей повышать качество и увеличивать продолжительность жизни, – оказывается более эфемерным, чем представлялось.

Так, успехи медицины в последние десятилетия привели к тому, что инфекционные эпидемии стали считаться уделом исключительно стран «третьего мира» (лихорадка денге, лихорадка Эбола) – по причине хронической неуспешности и неразвитой санитарно-гигиенической системы этих государств. До развитых стран долетали лишь рутинные сводки теленовостей о далёких эпидемиологических ужасах, которые не имели никакого отношения к «цивилизованному» миру. Наиболее равнодушные стремились компенсировать общую безучастность филантропией или волонтерством НПО, но не более того. Даже вспышки инфекционных заболеваний (атипичная пневмония, свиной грипп) в Китае, главной из поднимающихся держав, укладывались в общественном мнении Запада в ту же удобную парадигму, подразумевающую деление человечества на людей первого и второго сорта.

Распространение коронавируса в Европе и США изменило многие представления об «успешности»/«неуспешности». Во-первых, выяснилось,

что самая продвинутая высокотехнологическая медицинская отрасль не спасает при массовом распространении не самого сложного, но тяжёлого и весьма заразного инфекционного заболевания. Во-вторых, застрявших из-за отмены рейсов в странах «третьего мира» белых туристов и бизнесменов местные жители начали воспринимать как «зачумлённых». Там быстро распространилась ксенофобия совсем иного толка: не от богатых к бедным, а наоборот. Естественно, эти паттерны восприятия, возникшие в экстремальных условиях, отчасти будут сглажены, но не пройдут бесследно.

И здесь возникает парадокс. С одной стороны, постоянный риск гораздо сильнее, чем раньше, требует глобальной солидарности. С другой – человеческие инстинкты против этого. И принцип «каждый за себя», и запрос на закрытость обществ от влияния извне могут стать императивом для общественного мнения и для политики. Это не может не повлиять и на экономическое развитие.

Страховочная сетка

Экономические последствия нынешней экстраординарной ситуации пока трудно описать. Все согласны в одном – они будут грандиозными. Специфика этой глобальной пандемии в том, что остановка основной экономической деятельности происходит буквально по всему миру. Это даже не цепочка последствий, как при известных кризисах, а выключение почти всей системы. Предстоит переформатирование мировой экономики. И дело не только в неизбежном обострении экономических противоречий между крупнейшими субъектами, прежде всего Китаем и США. Под воздействием новых рисков изменятся глобальные и региональные цепочки добавленной стоимости.

Кризис обострил издержки мировой экономики от протекционизма. Под торговыми ограничениями оказались жизненно важные в период пандемии лекарства и медицинское оборудование. На фоне разрастающегося бедствия не только не произошло сворачивания санкционных ограничений, но были анонсированы возможные новые санкции и протекционистские меры со стороны Соединённых Штатов. Такое развитие событий не позволяет согласиться с надеждами ведущих экономистов мира (в их числе и нобелевский лауреат по экономике Амартья Сен), что после пандемии мировая экономика «морально очистится», обретёт свой долгожданный «моральный компас» и сделает упор на развитие «человеческого капитала».

Такого хода событий мы, конечно, предвидеть не могли. Но в Валдайских докладах и записках неоднократно предупреждали о рисках обостряющегося противостояния между странами в торговой сфере и ослабления многосторонних институтов взаимодействия. Экономический кризис, связанный с распространением коронавируса, стал шоком для многосторонних институтов и международного взаимодействия, привёл к разрыву транспортных и торгово-экономических связей между странами и регионами.

В наших докладах мы говорили о необходимости не только укрепления существующих механизмов многостороннего взаимодействия, но и создания новых. В частности, в течение прошлого года Валдайский клуб выступал с идеей своего рода страховочной сетки³ – превентивного механизма координации антикризисных мер между странами до наступления самого кризиса. Прежде всего, речь шла о необходимости в опережающем режиме создать систему координации бюджетных стимулирующих мер со стороны крупнейших мировых экономик. Кризис-2020 только подчеркнул, насколько важен такой подход. Применение разработанной и подготовленной заранее модели позволило бы эффективнее стабилизировать рыночные ожидания и поддержать уровень доверия со стороны компаний, инвесторов и потребителей.

Картина, наблюдаемая сегодня, – это спешная череда разрозненных мер, которые не дают должной поддержки рынкам. На мартовском виртуальном саммите «Большой двадцатки» участники, по сути, просто увещевали друг друга по возможности не наносить ущерба другим в ходе осуществления собственных мер спасения. Не более того.

Есть серьёзные опасения, что по мере неизбежного усугубления экономического спада ситуация будет только обостряться. Мировой экономике как никогда необходим прозрачный, основанный на чётких правилах и действенный механизм реализации координированной политики стимулирования экономического роста вместо торопливой выработки небольшой группой крупных экономик *ad hoc*-механизмов в разгар экономического спада.

В течение прошлого года мы отмечали, что «осуществление координированных мер бюджетного стимулирования исключительно на национальном уровне существенно ограничивает ресурсы, которые можно было бы использовать в этих целях на глобальном уровне. Нужен подготовленный заранее механизм, который бы обеспечил возможность совместного

³ См.: Лисоволик Я. Регионализм в глобальном управлении: новые подходы. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Июнь 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/regionalizm-globalizatsiya/>

антикризисного реагирования на всех уровнях глобальной сети финансовой безопасности и применение всего спектра резервов и ресурсов для стимулирования темпов экономического роста»⁴.

Мы также говорили о том⁵, что важным способом повышения эффективности совместных мер бюджетного стимулирования могло бы стать вовлечение региональных институтов, включая региональные банки развития и интеграционные группировки. МВФ в рамках предложенных мер по борьбе с экономическим кризисом отметил необходимость координации действий с региональными финансовыми организациями. Мы подчёркивали⁶ необходимость координации антикризисных мер с региональными интеграционными структурами, например с Евросоюзом, АСЕАН и Евразийским экономическим союзом. Учреждениям, ориентированным на конкретный регион, проще следить за развитием процессов в региональном масштабе, – они имеют опыт в области межстрановой координации экономической политики в соответствующих регионах. Не менее важно задействовать региональные механизмы взаимодействия, разработанные в рамках региональных интеграционных соглашений и институтов развития, в том числе с финансированием от региональных банков развития. Понятно, что в условиях тотального закрытия стран резко сужаются возможности любых межгосударственных институтов, но, когда начнётся выход из изоляции, а он неизбежен, именно региональные структуры могут сыграть ведущую стабилизационную роль – страны-соседи связаны не только рынками, но и общими проблемами, решать которые резоннее совместно.

Как мы полагали в 2019 году, создание механизма антикризисного реагирования могло бы стать частью ещё более широкомасштабной инициативы по выстраиванию новой архитектуры глобальной экономики за счёт включения региональных субъектов. Для этого мы предлагали создать новый формат взаимодействия региональных интеграционных соглашений и учреждений при координирующей роли «Группы двадцати». Такой формат сотрудничества можно было бы назвать «Региональной двадцаткой» (R20), объединяющей региональные интеграционные объединения и учреждения, в которых ведущую роль играют страны «Группы двадцати»⁷.

⁴ См.: Anton Bespalov, Andrei Bystritskiy, Yaroslav Lissovlik. *Regional Trade Blocs as Supporting Structures in Global Governance*, 2019. G20 Insights. URL: https://www.g20-insights.org/policy_briefs/regional-trade-blocks-as-supporting-structures-in-global-governance/

⁵ См.: там же.

⁶ См.: там же.

⁷ См.: Лисоволик Я. *Регионализм в глобальном управлении: новые подходы*. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Июнь 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/regionalizm-globalizatsiya/>

В подобных рамках появляется возможность согласовывать действия региональных учреждений в горизонтальной плоскости, наращивая сотрудничество с глобальными многосторонними организациями в вертикальной. Так, региональные финансовые механизмы могли бы взаимодействовать с МВФ, региональные банки развития – с Всемирным банком, а региональные интеграционные объединения – с ВТО.

Можно предположить, что в новых реалиях мировой экономики после пандемии значимость фактора географии и расстояния во внешнеторговых потоках будет снижаться. Зато, несомненно, расширится присутствие цифровых технологий и дистанционных коммуникаций. Трансформация системы международного управления невозможна без создания новых функциональных уровней мировой экономики, связанных с нейтрализацией глобальных угроз в области кибербезопасности, пандемий и техногенных катастроф. В идеале необходимы меры по укреплению таких глобальных институтов, как Всемирная организация здравоохранения или Международная организация по миграции.

Главным уроком текущего экономического спада должно стать создание более сбалансированной и инклюзивной мировой экономической системы, которая включала бы в себя заранее согласованные механизмы совместных антикризисных мер, а также использовала бы высокий потенциал сотрудничества с региональными группировками и институтами развития.

Впрочем, приходится признать: экономическая ситуация в мире после пандемии может развиваться так, что предложения, которые имело смысл обсуждать до сих пор, окажутся, увы, неактуальными. Масштаб проблем превысит любые обсуждавшиеся прежде меры.

Особая ответственность и моральный императив

Наиболее кровопролитная война в истории человечества – Вторая мировая – была результатом многих процессов, но одним из её важнейших катализаторов стал тяжелейший экономический кризис конца 1920-х – первой половины 1930-х годов, названный Великой депрессией. Это понятие сейчас часто можно встретить в комментариях о грядущих после пандемии

экономических реалиях – недостатка в самых мрачных прогнозах нет. Любые исторические параллели условны, буквальных повторений не бывает. Но самое тревожное из происходящих изменений – резкое сокращение ресурсов, которые окажутся в распоряжении и национальных правительств, и международных организаций.

Эпоха либеральной глобализации конца XX – начала XXI веков приучила мир к тому, что избыток возможностей – нормальное состояние. Да, ресурсы распределяются неравномерно, но в целом их много и при острой необходимости они доступны, хотя и на разных условиях. Нарастание долгов превратилось в распространённую практику, поскольку значительно расширились возможности для их рефинансирования за счёт средств, циркулирующих в мире и не привязанных к конкретному производственному потенциалу. Понятно, что не всякая страна обладала достаточным политическим весом, чтобы затыкать финансовые дыры любого размера. Но даже государственное банкротство, через которое проходил ряд стран, как правило, не меняло принципиальным образом характер их экономического поведения. Государства первого ряда, способные подкреплять политическими возможностями удовлетворение своих экономических нужд, без особых терзаний возводили финансовые пирамиды, будучи уверенными в своей способности делать это неопределённо долгое время.

По какому бы из возможных сценариев ни развивалась мировая экономика после пандемии, избыток ресурсов уходит безвозвратно. На его место приходит мир, в котором ресурсы для развития будут в дефиците. И ужесточение борьбы за них неизбежно. А в условиях острых вызовов социально-экономического характера, угрожающих всем государствам без исключения, отсутствия механизмов обеспечения хотя бы базовой справедливости и общепризнанной международной системы норм и институтов риски станут быстро возрастать. При самом неблагоприятном ходе событий «международно-политический дарвинизм», то есть самая архаическая версия международных отношений, скоро превратится в рутину.

Последняя из мировых войн закончилась 75 лет назад. С тех пор главным императивом международной политики было не допустить повторения катастрофы такого масштаба. Это удавалось, прежде всего, благодаря системе институтов, которые были созданы по инициативе держав-победительниц в 1945 году и учитывали распределение сил между основными участниками. Мировой порядок, созданный тогда и сохранившийся в своих основных элементах после окончания холодной войны, возник на основе опыта первой половины XX века. Сейчас мы переживаем период «осыпания»

этих институтов. Однако вызовы по-прежнему взаимосвязанного, значительно усложнившегося и при этом «дефицитного» мира потребуют особенно тщательного соблюдения «техники безопасности». Какая бы система отношений ни сформировалась, базовыми категориями в ней неизбежно должны быть «сила» и «мораль», они естественны и поэтому укоренились в сознании. Мораль при этом не утверждается исключительно силой, это подтвердил провал попытки США и их союзников построить однополярный мир после окончания холодной войны.

Пандемия вселяет большую тревогу за будущее, но даёт повод поговорить о новых формах глобальной моральной ответственности, отделённых от национальных приоритетов и неизбежной силовой конкуренции между державами. Задача – снижать угрозы, возникающие из-за объективной разницы в соотношении сил в гонке за ресурсами, которых «на всех не хватит», не допускать возникновения в международной политике ситуации, категорически неприемлемой и для сильных, и для слабых стран. На фоне резких взаимных обвинений США и Китая по поводу источника болезни это может выглядеть несколько наивно. Но не менее наивной всего сто лет назад (после ожесточённой войны) была сама идея о том, что отношения между государствами могут хоть как-нибудь зависеть не исключительно от их индивидуальной силы, а от абстрактной справедливости.

Начинать можно с малого – в отличие от времён «чёрной смерти» середины XIV века у государств есть технические возможности для создания единой платформы борьбы с пандемиями и стихийными бедствиями. В нынешнем случае Всемирная организация здравоохранения делает огромную работу по самому широкому фронту медицинских проблем, но *COVID-19* лишь подтвердил, сколь мизерными являются её ресурсы. На 2020–2021 годы её бюджет был запланирован лишь в размере 4840,4 миллиона долларов (а после отказа США участвовать в финансировании он ещё заметно сократится). Будучи незаменимым средоточием международной медицинской информации и каркасом международного медицинского сообщества, ВОЗ лишена инструментов для проведения решительной и активной политики на местах. Нужен новый подход, в рамках которого государства договорились бы о том, что делегируют этой организации (или другой, созданной на её основе) реальные полномочия для противодействия глобальным пандемиям, подобным, а то и много страшнее нынешней. Институты глобальной силы (ООН) могут быть подкреплены институтами глобальной морали (всемирное агентство по предотвращению пандемий), обеспечивающими справедливость для всех хотя бы в этом узком, но востребованном глобальным социумом вопросе.

В мире после *COVID-19* сложится новая ситуация, чреватая ожесточёнными конфликтами. Осенью главы многих государств мира соберутся в Нью-Йорке (искренне надеемся, что эпидемиологическая обстановка позволит это сделать), чтобы отменить годовщину Организации Объединённых Наций, подчеркнуть её вклад в сохранение мира на планете. В рамках торжественных мероприятий состоится и встреча руководителей самых могущественных держав – постоянных членов Совета Безопасности ООН. Инициативу такого саммита выдвинул российский президент, идею поддержали главы Великобритании, Китая, Соединённых Штатов и Франции. Эти государства стояли у истоков системы ООН 75 лет назад, официально провозгласив свою приверженность тому, чтобы человечество было избавлено от повторения ужасов мировых войн. Сегодня эта задача ничуть не менее актуальна, учитывая резкое нарастание конфликтного потенциала, и к ней добавляется необходимость противодействовать растущему числу угроз разнообразной природы.

Мир кардинально изменился за прошедшие десятилетия. Однако деятельность Организации Объединённых Наций как структуры, способной, несмотря на неизбежные изъяны и издержки, выполнять свою основную миссию, заставляет воспринимать её как безусловную ценность для международного сообщества. Неслучайно ООН пережила и самые сложные для себя времена после конца холодной войны. В условиях «осыпания» мира действенных альтернатив не остаётся, главное – их, в общем, невозможно и изобрести. Так что выбор прост: сохранение института, который, несмотря ни на что, представляет собой высшую возможную форму сотрудничества в международных отношениях, или откат в жестокую борьбу, которая руководствуется не разумом, а инстинктами. Страны, обладающие с момента создания ООН специальными привилегиями, несут особую ответственность перед всем миром за то, чтобы второй сценарий не стал реальностью.

 ValdaiClubRu

 ValdaiClubRu

 valdaiclub

 ValdaiClub

 valdaiclubcom

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ